

Евгений Деменок

Письма родителей к Соне Делоне

Шестнадцатого января 2020 года, не без труда найдя нужную платформу на переполненном парижском вокзале Монпарнас, я уселся у окна скоростного поезда, едущего на юг. Целью моего путешествия был маленький городок Дакс, неподалеку от которого живет Жан-Клод Маркаде, знаменитый исследователь русского и украинского авангарда. Мы познакомились с ним за год до этого, и, узнав о том, что я много лет собираю материалы о Соне Делоне и разыскал в одесском областном архиве книгу раввината с записью о ее рождении, что поставило точку в долгой неразберихе с местом рождения – в одних источниках указывалась Одесса, в других Градижск Полтавской губернии, – предложил мне приехать к нему и забрать документы из архива художницы, которые хранились у него уже много лет. Жан-Клод был хорошо знаком с Соней и в последние десять лет ее жизни не раз бывал в гостях в ее парижской квартире на *rue de Saint-Simon*, 16. После восьмидесяти она начала систематизировать свой архив, готовя основную его часть к передаче в Национальную библиотеку Франции, а позже и в Библиотеку Кандинского, находящуюся в парижском Государственном музее современного искусства в Центре Жоржа Помпиду. А часть документов, связанных с ранними годами жизни и Одессой, Петербургом, Карлсруэ, передала Маркаде.

Я немедленно согласился, не веря своему счастью и стараясь не выдать волнения. Спустя несколько недель ко мне в Прагу пришла из Франции первая посылка – объемная коробка, в которой была копия раннего дневника Сони, тогда еще именовавшей себя Софи Терк, хотя при рождении она была названа Сарой. Сара

Штерн – ее официальное имя до второго брака с Робером Делоне. В коробке были и письма к ней от живших в Одессе родителей, и совсем ранние ее рисунки, и массив бумаг, связанных с наследством, начиная с духовного завещания ее тети, и ее собственные письма, в том числе к мужу Роберу, написанные на собственноручно изготовленных фирменных бланках с золотым тиснением. Я с нетерпением ждал второй посылки Жана-Клода, но она... затерялась. Почти три месяца бурных разбирательств с французским почтовым ведомством привели наконец к долгожданному результату – посылка вернулась к отправителю. И, чтобы больше не рисковать, я тут же поехал к Жан-Клоду.

Я ехал к нему, не веря в реальность происходящего. Провел у него в гостях три чудесных дня. И вернулся домой с двумя подвязку набитыми чемоданами.

Главная ценность этого архива в том, что в сотнях писем, открыток, документов содержатся сведения о ранних годах жизни Сони Делоне, то есть именно о том периоде, который изучен и описан меньше всего. В вышедшей в 1978 году автобиографии «*Nous irons vers le soleil*» художница уделила событиям, происходившим до момента ее первого приезда в Париж, всего семь страниц – а приехала она туда уже в двадцатилетнем возрасте. При этом автобиография еще и содержит ряд ошибок, начиная хотя бы с даты того самого приезда в Париж – на самом деле это произошло в 1906 году, а не в 1905, как вспоминала уже 93-летняя художница. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть ее не опубликованный пока дневник, хранящийся среди других подаренных ею документов в уже упомянутой Национальной библиотеке Франции.

И так как сама художница была крайне сдержанна в описании раннего периода своей жизни, такими же сдержанными были и ее многочисленные биографы. Собственно, именно Жан-Клод Маркаде первым начал публиковать подтвержденные документально подробности о ее одесских родственниках и круге петербургских друзей.* Параллельно с этим мне удалось найти в книгах

* *Sonia Delaunay Exhibition Book*. Edited by Anne Montfort & Cecile Godefroy. Tate Enterprises Ltd., 2014. P. 18-23.

одесского раввината записи, связанные с ее семьей, с рождением двух братьев и смертью одного из них. И вот теперь, соединив эти находки с документами из архива самой художницы, можно восстановить множество деталей того, как прошли первые двадцать лет жизни Сары Штерн, ставшей позднее Софи Терк, а потом и Соней Делоне.

Разбирать этот архив предстоит не один год, но в первую очередь я решил заняться всем, что связано с Одессой. Одна из папок была заполнена письмами к Соне от ее живших в Одессе родителей Ильи (Эли) Штерна и Ханы, в девичестве Терк.

К счастью, прожившая в Париже около семидесяти лет Соня Делоне всю свою жизнь хранила письма от родителей, брата, дяди, тети и других многочисленных родственников, и это дает нам теперь возможность не только узнать множество деталей ее биографии, но и увидеть ее с совершенно другой стороны. Особенно ярко проявляется это в письмах с трудом находившей средства к существованию и постоянно болевшей матери, для которой она не богемная художница, а единственная дочь, благодаря удачному стечению обстоятельств попавшая в благоприятные условия и способная помочь оставшимся в Одессе родным.

Об удачном стечении обстоятельств стоит рассказать подробнее. И начать с того, что нам пока крайне мало известно о том, когда и как попал в Одессу Сонин отец Эля (Элиас, Илья) Штерн, из какой семьи он происходил. Собственно, до моих находок, сделанных в одесском областном архиве, об этом не было известно вообще ничего. Теперь мы знаем, что родился он в 1858 году, а умер в промежутке с 1918 по 1925 год – именно осенью 1917-го датировано его последнее письмо к Соне, а из писем матери, приходивших с 1925 по 1931 год, явно следует, что его нет в живых. Достоверно мы знаем и то, что он служил в армии, – в книге раввината в записи о рождении Сони указано, что он был «уволненным в запас». ** То же самое указано в записи о бракосочетании Сониных родителей.

** Е. Деменок. «Соня Делоне возвращается в Одессу». Альманах «Дерибасовская – Ришельевская», кн. 44. – Одесса: «ПЛАСКЕ», 2011, с. 206.

Всесловная воинская повинность была введена в России 1 января 1874 года. С этой даты призыву на службу подлежали молодые люди, «которым к 1-му января того года, когда набор производится, минуло двадцать лет от роду».* Для армии устанавливался шестилетний срок действительной службы, для флота – семилетний. Устав воинской повинности предусматривал разнообразные льготы и освобождение от службы по состоянию здоровья, роду занятий и семейному положению. Например, от службы освобождались единственные сыновья у родителей, а также единственные способные к труду: сын «при отце, к труду не способном, или при матери-вдове»; брат при «круглых сиротах, братьях или сестрах», и внук «при деде или бабке, не имеющих способного к труду сына».**

Исходя из этого, можно предположить, что Эля был не единственным ребенком в семье и завершил службу совсем незадолго до свадьбы. 16 июня 1885 года в книге «О бракосочетаниях» под номером 244 сделана запись о том, что брак уволенного в запас Эли Штерна, холостяка, с дочерью одесского мещанина Товия Терка, девицей Ханюю, состоялся 21 мая 1885 года. У обоих это был первый брак. Обряд бракосочетания совершил уважаемый раввин Шмуэль Янкелевич Полинковский. Эле (в книге он записан как Элья) на тот момент было 27 лет, Хане 22. Совершенно очевидно, что Сара родилась через пять месяцев после бракосочетания родителей, то есть брак был, скажем так, вынужденным.

Это оказало влияние на все дальнейшие события. Эля, вернувшийся из армии и сразу женившийся (легко подсчитать, что служил он с 1878-го по 1884 год), был вынужден начать зарабатывать, и вряд ли этот заработок был достаточным для безбедного существования молодой семьи. Для начала предстояло получить профессию, и мы теперь знаем, что получил он ее в Одесском ремесленном училище Общества «Труд». Это было училище для бедных еврейских мальчиков, открывшееся в 1864 году и находившееся в доме № 17 по Базарной улице. Все это удалось узнать благодаря данным, полученным во вре-

* «Устав о воинской повинности, высочайше утвержденный 1 января 1874 года». Реформы Александра II. – М., 1998, с. 339.

** Там же, с. 345

ЧАСТЬ II. О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ.					ЧАСТЬ II. О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ.				
№	Имя	Возраст	Вид брака	Состояние	№	Имя	Возраст	Вид брака	Состояние
100	Эли Штерн	28	Свободный	Мужчина	101	Хана Терк	25	Свободная	Женщина
102	Хана Терк	25	Свободная	Женщина	103	Эли Штерн	28	Свободный	Мужчина
104	Соломон Терк	4	Сын	Мужчина	105	Эли Штерн	28	Свободный	Мужчина
106	Эли Штерн	28	Свободный	Мужчина	107	Хана Терк	25	Свободная	Женщина
108	Хана Терк	25	Свободная	Женщина	109	Эли Штерн	28	Свободный	Мужчина
110	Соломон Терк	4	Сын	Мужчина	111	Эли Штерн	28	Свободный	Мужчина

Запись о браке Эли Штерна и Ханы Терк. 16 июня 1885 года

мя Первой всеобщей переписи населения Российской империи. В данных переписи указано его отчество – Иосъев (Осипович), и по состоянию на 1 января 1897 года Эля Штерн вместе с женой Ханой и четырехлетним сыном Соломоном жил в Одессе по адресу: Прохоровская, 28 (дом Степанова), квартира 9. Работал он в то время механиком при фабрике по производству крючков к дамским платьям, в отношении к воинской повинности был нижним чином запаса. В ведомости указано, что Хана не работала, была «при муже», а образование получила «дома». Родным языком всех троих указан русский, сословие – мещанское. Также указано, что все трое родились в Одессе, что вызывает большие сомнения, потому что приписан Эля был – а за ним и вся семья – в городе Владимире Волынской губернии (нынешний Владимир-Волынский), а записи о его рождении в книгах одесского раввина обнаружить пока не удалось.

1895

№	Имя	Пол	Дата рождения	Место рождения	Семейное положение	Образование	Профессия	Служба	Звание	Служба	Семейная жизнь		Семейная жизнь		Семейная жизнь		
											Женат	Неженат	Женат	Неженат	Женат	Неженат	Женат
1	Штерн Эли Штерн	М.	1858	Одесса	Женат	Высшее	Учитель				Женат	Женат	Женат	Женат	Женат	Женат	Женат
2	Штерн Соня Штерн	Ж.	1858	Одесса	Незамужем	Высшее	Учитель				Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат
3	Штерн Соня Штерн	Ж.	1858	Одесса	Незамужем	Высшее	Учитель				Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат
4	Штерн Соня Штерн	Ж.	1858	Одесса	Незамужем	Высшее	Учитель				Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат	Неженат
5																	
6																	
7																	
8																	
9																	
10																	

Всего в семье Штерн Эли Штерн

Семья Эли Штерна по данным переписи. 1897 г.

Откуда же в автобиографии Сони появился Градижск? Вернее, некий *Gradzihszk*? Она единожды упоминает о том, что папа работал на метизной фабрике в этом городке. А Жак Дамас, ее многолетний друг и помощник, будучи составителем ее биографии (художнице на тот момент, как я уже упоминал, было 93 года), указал в конце *Gradzihszk* как место ее рождения. С этого и началась долго тянувшаяся ошибка. Никто за эти годы не добрался до архивов, хотя сомнения выражали многие авторы монографий о ней – ведь во всех вполне доступных официальных документах (свидетельствах о браке, разводе и других) местом рождения указана именно Одесса.

Возможно, Эля Штерн какое-то время работал на метизном заводе в Градижске именно в первые годы жизни Сони, потому она и запомнила на всю жизнь чистые цвета, «цвета моего

9 Авг 1911

Свидетельство.

Видано Одесскими Городовыми Рабвинами за
 надлежащего подпискою и печатью въ томъ, что въ
 метрической тетради о рождении ихъ съ
 еврейск. г. Одессы за 1885 г. значится подъ № 1173
 еврейской — графы актъ слѣдующаго содержания:
 Тысяча восемьсотъ восемьдесятъ пятого года
 Новабра перваго дня у Новабраго въ записи
 Имъ Штерна и жены его Ханы родилась
 дочь, нареченная именемъ Сара.

По расписку № 4228



Одесса, Голя 24 дня 1911 года.

Рабины
 в. Одесскаго Городоваго Рабвина
 [Signature]

На основании ст. 919 т. IX св. зак. обь актъ сост. акт. 1899 г. Одесская Городская
 Управа подписью и приложеніемъ печати удостоверяетъ, что настоящее метрическое само-
 писанное и подписанное Рабвинами и Рабиней [Signature] [Signature]

Копия свидетельства о рождении Сони

детства, Украины. Воспоминания крестьянских свадеб моей страны, где красные и зеленые платья, украшенные многочисленными бантиками, летали в пляске.* Вспоминала она и то, как «растут арбузы и дыни. Помидоры опоясывают красным хаты и большие подсолнухи, желтые с черной сердцевинкой, сверкают в легком, очень высоком голубом небе».** Очевидно, что все это она увидела в украинских селах, но никак не в Одессе. Более того – сама Соня, судя по всему, пыталась разузнать что-то о возможных родственниках в Полтаве и задала вопрос об этом тете. Анна Сергеевна отвечает ей 9/22 марта 1908 года: «О семье Терк в Полтаве ни дяде, ни тете Миле ничего не известно; они считают, что у них нет родственников, может быть, это однофамильцы, и значит, мы не уникамы».

Но даже если Градижск (так интерпретировали *Gradzihszk*, хотя, возможно, это просто «городишко») и присутствовал в рабочей биографии Эли Штерна, то был лишь коротким эпизодом, потому что 3 января 1888 года у Эли и Ханы рождается сын Зейлик. И рождается именно в Одессе, о чем неоспоримо свидетельствуют все те же книги раввината.*** Обряд обрезания совершил раввин Блинчевский. Зейлик умер от скарлатины в пятилетнем возрасте, 18 октября 1893 года (запись 1179 книги «Об умерших»). Однако к тому времени у Штернов родился еще один сын, уже упомянутый выше Соломон, которого родные и друзья всю жизнь называли Семей.**** Произошло это радостное событие 28 июля 1892 года (обрезали мальчика 4 августа). И, как вы уже догадались, тоже в Одессе.

Дальнейшие находки, сделанные при разборе архива Жан-Клода Маркаде, позволили выяснить, что после фабрики по производству крючков к дамским платьям (как мы видим, тема моды вошла в жизнь Сони с раннего детства) Эля Штерн работал управляющим на Заводе белой жести и металлических изделий инженера М.Г. Левина, причем проработал там, по словам жены

* S. Delaunay. Nous irons vers le soleil. Edition Robert Laffont. Paris, 1978, p. 17.

** Ibid, p. 11.

*** Государственный архив Одесской области, ф. 39, оп. 5, ед. хр. 38, запись № 8.

**** Государственный архив Одесской области, ф. 39, оп. 5, ед. хр. 63, запись № 1120.

Ханы, двадцать семь лет. Очевидно, что из Одессы они никуда уже не переезжали. Долгие годы они жили в квартире 26 дома номер восемь по улице Херсонской. Первое упоминание об этом адресе я нашел в письме к Соне от Анны Сергеевны (на самом деле Израилевны) Терк, жены ее дяди Генриха, брата матери, в семье которых в Санкт-Петербурге она воспитывалась и выросла. Датировано оно 28 октября 1907 года: «Если не ошибаюсь, одесский адрес Херсонская, 8».

Тот же адрес сохраняется до начала 1930-х в письмах мамы к Соне.

Однако к моменту рождения брата Соломона будущая великая художница уже не жила в Одессе и даже не жила с родителями. Что именно побудило их отдать дочь на воспитание в семью родственников, мы уже вряд ли узнаем. Скорее всего, причиной были финансовые затруднения – молодой семье тяжело было сносно обеспечить двух детей, к тому же ожидали третьего. Хана Штерн соглашается отдать Сару на воспитание своему преуспевающему обеспеченному брату и его жене, которая после перенесенной операции не могла иметь детей. Соня стала для Генриха и Анны практически родной дочерью – тетя даже определенным образом ревновала ее к родителям, что сквозит в ее письмах. Хотя согласие на удочерение, которого они добивались, Хана Штерн так и не дала. Так что фамилия Терк, которую девушка (именно после переезда в Санкт-Петербург она из Сары стала Софи, а позже Соней) носила долгие годы, была фактически псевдонимом – в документах до замужества она значилась как Сара Штерн.

Я уже упоминал о том, что о Сонином отце нам известно крайне мало, а о его родственниках и вовсе ничего. С родней со стороны матери дела обстоят гораздо лучше. Терков было много, и многие были успешны.

В большой семье Терков родившийся 9 ноября 1847 года в Одессе Генрих Тимофеевич (Гейних Товиевич) был, пожалуй, самым удачливым. Он начинал учебу в Одессе, но в сентябре 1872 года перевелся со второго курса юридического факультета Новороссийского университета в Петербургский университет. В 1877 году получил степень кандидата прав, после работал присяжным поверенным. Был депутатом правления Учетного и ссудного

банка, в разные годы возглавлял правления Богатовского сахарного завода, Ириновско-Шлиссельбургского промышленного общества, Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов, акционерного общества Финляндского легкого пароходства, состоял членом правления издательства Брокгауза и Ефрона. Гейних Товиевич свободно говорил на нескольких языках, владел недвижимостью в столице, коллекцией живописи и дружил с известными людьми. В его доме по Баскову переулку, 12, Соня выросла.

Именно дядя Генрих дал Соне необходимую для развития финансовую основу.

Родившийся в 1850 году в Одессе его брат, Яков Тимофеевич, судьбой которого многократно интересовалась в письмах к дочери Хана Штерн, после окончания Ришельевской гимназии поступил в 1876 году в Петербургский университет, а в 1877-м перевелся в Медико-хирургическую академию, которую окончил в 1881 году. В 1879 году арестовывался «ввиду знакомства с <...> неблагонадежными лицами»^{*} и за хранение запрещенных произведений Луи Блана, Лассалья и Прудона. В 1900-х годах был железнодорожным врачом в Либаве, а после работал врачом на пароходах Русско-Восточной линии. После октябрьского переворота жил в Крыму и даже получал (возможно, за бывшие революционные заслуги) персональную пенсию. Сын Якова Тимофеевича, Александр, инженер, литератор, переводчик, жил долгое время в том же доме по Баскову переулку, в котором жила и Соня с дядей и тетей.

Еще один дядя Сони Делоне, Марк Тимофеевич (все они были Товиевичами, но ассимилировались и изменили отчества), владелец конторы по продаже сельскохозяйственного оборудования в Одессе, на улице Градоначальницкой, всю свою жизнь прожил в родном городе. Более того – он жил в одном доме с Сониными родителями, в практически соседней, тридцать первой квартире. Время от времени он тоже писал Соне, рассказывая о болезнях и проблемах ее матери, и более всего мне запомнилась фраза

^{*} Анатолий Белогорский. «Монпарнасский экспресс». – Лехаим, № 1 (225), 2011.

из его письма от 8 мая 1931 года: «У меня также ничего хорошего нет, жизнь так скверно сложилась, трудно передать».

Сестра Ханы, Эмилия Товиевна, вышла замуж за купца 1-й гильдии Альберта Федоровича (Абеля Хацкелевича) Вилькорейского, жила в Санкт-Петербурге. У них было четверо детей – сын Федор и дочери Анна, Екатерина и Тамара. Тамара Альбертовна (1898-1970) стала композитором, автором целого ряда музыкальных пособий для детей, членом Московского общества драматических писателей. Писала музыку на стихи Корнея Чуковского – в 1954-55 ленинградской артелью «Пластмасс» была выпущена серия пластинок для детей, в том числе «Мойдодыр» и «Муха-Цокотуха».

Широко распространено мнение о том, что в семье дяди и тети Соня начала воспитываться с пяти лет. Так написано в автобиографии.** Однако Жан-Клод Маркаде утверждает, что она окончательно перебралась в Санкт-Петербург в возрасте семи лет.*** Как бы там ни было, этот переезд стал одним из главных, ключевых событий в ее жизни. Она выросла в богатой семье, в совершенно ином кругу, чем это случилось бы, останься она в Одессе, о чем красноречиво свидетельствует судьба ее младшего брата Соломона, который даже не получил сколько-нибудь серьезного образования и занимался физическим трудом до призыва на фронт, где показал себя героем. Именно в результате переезда Соня смогла учиться живописи в Карлсруэ, а затем в Париже, благодаря дяде и тете не бедствовала, получая от них достаточные для жизни средства, даже будучи замужем и живя уже во Франции. Именно благодаря смене места жительства она завязала множество знакомств в среде петербургской – в первую очередь еврейской – интеллигенции. Выучила иностранные языки. Путешествовала по Европе и посещала музеи. Генрих и Анна поощряли ее творческие устремления – достаточно упомянуть лишь то, что первый набор красок ей подарил выдающийся немецкий импрессионист Макс Либерман, приятельствовавший с дядей. Сама Соня 25 апреля 1904 года писала в своем не опубликованном пока дневнике,

** S. Delaunay. Nous irons vers le soleil. Edition Robert Laffont. – Paris, 1978, p. 219.

*** А.А. Смирнов. Письма к Соне Делонэ. 1904-1928. – М.: Новое литературное обозрение, с. 32.

хранящемся в Национальной библиотеке Франции: «Странно, что несмотря на то, что с детства я отыскивала в себе таланты и мечтала сделаться знаменитой, я никогда не останавливалась на живописи и не верила, что имею к ней способности, хотя всегда рисовала и очень любила этим заниматься. Впервые я узнала, что у меня талант, когда Вар. Петр. Шнейдер, поступив к нам учительницей рисования в 7 класс, посмотрела мои рисунки и нашла, что ей меня учить нечему в гимназии. Потом она была у нас дома и много говорила обо мне с тетей и дядей».

Это упоминание имени учительницы позволяет нам определить, в какой именно гимназии училась Соня.

Сестры Варвара и Александра Шнейдер были выпускницами Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств, дружили с Николаем Рерихом. Варвара Петровна стала инициатором создания женской Высшей школы народного искусства для крестьянских девушек императрицы Александры Феодоровны и ее лужского филиала в так называемой Светелке государыни; была преподавателем, попечительницей и директором этой школы в 1911-1918 годах. Среди ее обширной переписки важное место занимает переписка с императрицей. В 1909 году она вошла в строительный комитет Буддийского храма в Санкт-Петербурге. С 1902 года Варвара Петровна сотрудничает с этнографическим отделом Русского музея.

Наряду с художественной и собирательской деятельностью Варвара Петровна с 1901 по 1913 год преподавала рисование и историю искусств в гимназии Таганцевой (Моховая улица, 27). Даже после отъезда Сони на учебу в Карлсруэ и Париж она приходила в ее дом, чтобы поинтересоваться у дяди и тети ее успехами.

Безусловно, жизнь в столице, в семье, где благодаря трем гувернанткам, англичанке, француженке и немке, юная Соня могла изучать сразу три языка, в доме, где все много читали и часто музицировали, разительно отличалась от жизни ее родителей в Одессе. Даже простое сравнение писем от полуграмотно пишущей мамы и от блестяще образованной тети раскрывает пропасть, лежавшую между двумя семьями, состоявшими в родстве. Нужно отметить, что Соня советовалась с тетей по всем, даже самым интимным вопросам, а та воспринимала ее как родную дочь,

желала ей самого лучшего, всегда стремилась помочь и не могла устоять перед денежными просьбами привыкшей жить довольно широко Сони. Как я уже писал, тетя даже ревновала Соню к матери. Вот потрясающая фраза из ее письма из Монако от 10 января 1910 года, где обсуждается внезапно вспыхнувшее Сонино увлечение Робером Делоне: «Я знаю, что ты мне скажешь, что я слишком рано опасаюсь, что ты сама желаешь познакомиться с ними ближе; но я именно прошу тебя, чтобы ты не несла себя навстречу со всей твоей наивностью и чистотой неопытного ребенка, а постаралась так же трезво оценить заинтересованных лиц, как ты когда-то крошкой сумела трезво увидеть некрасоту своей матери, к которой дети ведь бывают пристрастны. Как ни тяжел для меня удар твоего развода с В., но гораздо страшнее для меня перспектива нового замужества, в котором я вижу решительно все данные (объективные) для нового и гораздо большего несчастья».

«Некрасоту своей матери»... И в то же время тетя не позволяет племяннице забыть совершенно о родителях, и напоминает уведомлять их о важных событиях в своей жизни. Например, 7 января (по ст. ст.) 1908 года, когда Соня решила выйти замуж за Вильгельма Уде, тетя пишет ей: «Если твоя помолвка уже не тайна, то напиши об этом немедленно в Одессу». 23 февраля 1911, после рождения у Сони сына Шарля, тетя спрашивает ее: «Писала ли ты в Одессу о сыне?».

Конечно, оторванность девочки в таком раннем возрасте от родителей не могла не пройти бесследно. 14 августа 1904 года, готовясь к отъезду на учебу в студии профессора Людвиг Шмид-Ройтте в Академии художеств в Карлсруэ, она записала в дневнике: «Написала письмо родителям, сообщая о своем отъезде за границу. Как они мне чужды: ничего общего, ни капли любви не привязывает меня к ним. Ужасно и невероятно – и только доказывает, что в родственной (кроме материнской любви) главное дело в привычке». Эти слова можно было бы отнести на счет юношеского максимализма, но и на закате жизни в автобиографии она писала: «Мой отец был рабочим. В Градижске на Украине он работал на гвоздильной фабрике. От него у меня большая принципиальность, отвращение к алчности и мелочности.

Он не выносил, когда жалуются. Это его настраивало против моей матери, которая только и делала, что ныла и стонала над своей долей. Это явно является причиной моей нелюбви к ней. Уже с 3-х лет я реагировала, как отец. Всю жизнь я сжимала зубы и не жаловалась; я не люблю хнычущих».*

В конце жизни она была уже совершенно другого мнения об отце. Вот еще один фрагмент из автобиографии: «Недавно я получила письмо от украинки, живущей в США, вышедшей замуж за директора одной из художественных галерей. В своем письме она вспоминает о моем отце, с которым она была знакома: «Это человек, который закончил свою тяжелую рабочую жизнь во главе завода, где начинал простым рабочим. До конца своих лет сохранил требовательность и принципиальность, которые были у него в молодости. Он остался чистым и суровым человеком, никогда не опускался до низости и не выносил мерзости». И тут я поняла все, чем обязана своему отцу».**

Отношение к матери, однако, не изменилось. Тем не менее Соня постоянно помогала ей, живущей крайне бедно, отправляя уже в 1920-х и денежные переводы, и посылки.

Наверняка она виделась с родителями и во время жизни в Петербурге. Нам уже точно известно, что мама приезжала к ней в Париж как раз в то время, когда она готовилась к свадьбе с Робером Делоне и уже была беременной. В письме из Санкт-Петербурга от 12/25 сентября 1910 года тетя Анна пишет: «Хотелось бы знать, долго ли останется твоя мама в Париже. Сообщила ли ты ей о своем будущем?». Интересно, что Соня повторила судьбу своих родителей – она родила сына всего через два месяца после свадьбы, состоявшейся 15 ноября 1910 года.

Правда, родившегося 8 января следующего года Шарля, которого Сонины родители будут упоминать в каждом письме, они увидят уже только на фотографиях.

Приезжал в Париж – причем надолго – и Сонин брат Соломон. Он приехал туда в начале 1909-го и находился до лета 1911-го. 17 февраля (по ст. ст.) 1909 года Анна Сергеевна писала Соне:

* S. Delaunay. Nous irons vers le soleil. Edition Robert Laffont. Paris, 1978, p. 12.

** S. Delaunay. Nous irons vers le soleil. Edition Robert Laffont. – Paris, 1978, p. 12.

«Ты пишешь, что заходишь к Семе, а часто ли ты его выдаешь? Если он тебе ничего не рассказывал, то я тебе сообщу интересную новость: Таня, которая опять в Москве, вступила со мной в переписку и сообщила мне, что она вышла замуж еще летом с согласия своих родителей, но они все почему-то скрывали это от нас. Ее муж – студент медик III курса и русский (вот где закавыка); она прислала мне их совместную карточку, и я должна с ней согласиться, что у него славное, симпатичное и чисто славянское лицо. Она ждет от меня ответа, который я не замедлю ей послать, поздравив с ее счастьем, хотя оно довольно курьезное: он в Одессе, а она в Москве». Речь идет о Сониной кузине, дочери Марка Тимофеевича Терка. Татьяну мы еще будем упоминать.

24 февраля тетя Анна спрашивает у Сони: «Что будет с Семей? Неужели ты ни о чем его не спрашиваешь?».

Соломон задержался в Париже. 18 сентября того же, 1909 года, тетя пишет из Монтре: «Разве Сема будет тратить время на позирование?». А в письме от 11 марта 1911 года (см. ниже) Сониная мама тоже спрашивается о нем. Однако летом того же года он уже вернулся в Одессу.

Продолжение следует

